

Стенограмма Круглого стола: «2014: Афганистан и центральноазиатский регион»

**Стенограмма Круглого стола: «2014: Афганистан и
центральноазиатский регион»**

14.02.2013

8 февраля в Институте общественной политики состоялся Круглый стол на тему: «2014: Афганистан и центральноазиатский регион».

Модератор: Мээрим Шамудинова, Институт общественной политики

Спикеры:

Самаргуль Адамкулова, заместитель министра иностранных дел КР
Муратбек Иманалиев, президент Института общественной политики
Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива»

Участники:

Санжар Абакиров, сотрудник Исследовательского института «Сереп»

Авазбек Абдуразаков, сотрудник МИД КР

Дарика Алдашева, научный сотрудник НИСИ КР

Санжар Алимжанов, координатор Программы Мира и развития ПРООН

Жылдыз Ахмедгалиева, сотрудник МВД

Анара Аширалиева, специалист по программам посольства Великобритании в КР

Адилет Балтабаев, гражданский активист, магистрант АГУПКР|

Чынара Баяманова, координатор ОФ «Перемена»

Жеткерген Бикеев, первый секретарь посольства Республики Казахстан в Кыргызской Республике

Акбар Борран, магистрант Академии ОБСЕ, стажер CAFMI

Есен Джуманов, аналитик CAFMI

Сыйнат Жолдошева, менеджер проекта МЦ «ИнтерБилим»

Алина Жунушбаева, ассистент координатора ОФ «Перемена»

Байар Жумашев, председатель общественного объединения «Жаны дем».

Сагынбек Ибраев, второй секретарь МИД КР

Азат Ишмухамедов, программный ассистент военно-политического отдела центра ОБСЕ

Сергей Капинос, глава центра ОБСЕ

Алексей Красин, руководитель стратегических проектов НКО «Агентство по развитию местного самоуправления»

Константин Ларионов, аспирант КРСУ

Аттила Лендвай, эксперт CAFMI

Марат Мусуралиев, заместитель директора компании SEATL

Станислав Новиков, член ОО «Жаны дем»

Жоомарт Ормонбеков, национальный советник регионального центра по превентивной дипломатии для Центральной Азии ООН

Эдиль Осмонбетов, независимый эксперт

Кубат Рахимов, независимый эксперт

Улан Рыскельдиев, эксперт

Максим Рябков, директор Академии ОБСЕ

Нургуль Темирбекова, координатор проектов посольства Великобритании в Бишкеке

Канат Тилекеев, научный сотрудник университета Центральной Азии

Низам Хабиби, аналитик, сеть развития Ага Хана

Кирилл Шевченко, и.о. заместителя директора НИСИ КР

Игорь Шестаков, политолог

Турниса Юсупова, магистрант 3 курса ДА МИД КР

СМИ:

Аскар Акталов, корреспондент ИА «КирТАГ»

Кифаят Аскерова, шеф-редактор газеты «Слово Кыргызстана»

Заирбек Бактыбаев, радио «Азаттык»

Юрий Копытин, корреспондент ИА «K-News»

Гульнара Мамбеталиева, радио «Мир»

Иван Марченко, корреспондент ИА «24.kg»

Евгения Николаева, «Polit.kg»

Асель Омуракунова, ИА «AKIpress»

Анна Тимофеев, Корреспондент Интернет-редакции «Вечерний Бишкек»

Тимур Токтоналиев, Радио «Азаттык»

Адилет Шадыбеков, Центральноазиатская новостная служба

Мээрим Шамудинова обозначила тему Круглого стола и представила спикеров.

Муратбек Иманалиев: Уважаемые друзья, коллеги, я рад всех приветствовать в Институте общественной политики на Круглом столе, который посвящен обсуждению проблем, связанных с Афганистаном. Собственно говоря, тема сегодняшнего Круглого стола именуется следующим образом: «2014: Афганистан и центральноазиатский регион».

Проблема достаточно актуальна. Но если говорить о регионе, в котором расположена наша страна, то это более чем актуально. 2014 год – это некий «дэдлайн», «время “Ч”», после которого регион должен получить новое развитие, как представляют себе многие эксперты, специалисты, дипломаты, политики. Каков будет тренд этого развития, позитивный или негативный, пока никто не может точно сказать.

Сам по себе регион весьма сложный. Хотелось бы напомнить о словах Арнольда Тойнби, который некогда произнес фразу о том, что территория, где расположены Афганистан и ряд сопредельных ему государств, стран, является восточным перекрестком истории, стыком трех крупных регионов сегодняшнего дня: Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока.

Очевидно, почему идея Большой Центральной Азии связана именно с Афганистаном, думаю, что, не в последнюю очередь, она имеет отношение к достаточно объективным, с моей точки зрения, и в то же время точным словам выдающегося историографа и философа.

В начале всего того, что называлось антитеррористической борьбой в 2001 году, – ввод Международных сил содействия безопасности, было не совсем понятно, существуют ли у американского руководства, на тот момент это был президент Буш, стратегии или концепции антитеррористической операции в Афганистане.

Во всяком случае, был некий набор целей, который, как мне кажется, в то время выдавали за стратегию антитеррористической операции. Напомню вам о знаменитом телеобращении к нации президента США Джорджа Буша 7 октября 2001 года, где он сказал следующее, цитирую: «Целью этих тщательно спланированных действий являются прекращение использования территории Афганистана в качестве базы для подготовки террористов и ослабление военной мощи режима движения Талибан».

Буш в то время напоминал нам всем, что более 40 стран различных регионов мира согласились предоставить свои воздушные пространства для пролета самолетов, а ряд стран предоставит свои территории под военно-воздушные и другие военные базы. С гордостью Буш заявлял, что в этой операции их поддержит весь мир. Я думаю, что это было именно так.

Были и более конкретные цели, которые обозначил Буш, цитирую: «Более двух недель назад, я (Джордж Буш) предоставил лидерам движения Талибан ряд ясных, конкретных требований: закрыть

тренировочные лагеря боевиков, выдать руководителя экстремистской организации «Аль-Каиды», освободить необоснованно задержанных в Афганистане иностранцев, среди которых есть и американские граждане».

Ну и некое ультимативное заявление, которое сделал Джордж Буш: он сказал, что каждая страна должна сделать свой выбор. Он, правда, не сказал, что они сделают со странами в ином случае, но был намек и на некоторое силовое воздействие. Он также сказал, что американцы не хотели бы брать на себя такую миссию, но будут доводить дело до конца.

Из данного телеобращения Буша не следует, во всяком случае, в моем понимании, что есть какая-то стратегия или концепции ввода антитеррористических сил на территорию Афганистана.

В более поздний период, в августе 2003 года, НАТО взяло на себя командование Международными силами содействия безопасности в Афганистане – ISAF.

Тогдашний Генеральный секретарь НАТО Яап (Якоб) де Хооп Схеффер в феврале 2004 года сделал следующее заявление, цитирую: «Если политический процесс потерпит неудачу и Афганистан снова станет прибежищем террористов, которые будут нам угрожать, и наркотики, которые будут продаваться на улице. Если мы потерпим неудачу в Афганистане, не выполним наши обязательства перед народом этой страны в оказании ему помощи в строительстве лучшего будущего, – кто станет вновь доверять нам?».

Вот такое заявление сделал Генеральный секретарь НАТО. С тех пор НАТО руководило Международными силами содействия безопасности в Афганистане.

И, наконец, пришел к власти президент Обама, который в своей знаменитой речи в Каирском университете сделал заявление о том, что Соединенные Штаты со своими союзниками будут готовиться сначала к завершению операции в Ираке, а затем и в Афганистане.

Затем, как вы помните, неоднократно делались повторные заявления по этому поводу, и некоторое время назад был обозначен «дэдлайн»: 2014 год – вывод войск. Европейцы быстренько схватились за эту идею. Насколько мне известно, ряд европейских стран уже практически завершил вывод своих частей, которые были в этих Международных силах, ну и американцы стали потихонечку уходить.

Почему я всегда говорю о концепции или стратегии ввода войск? Теперь совершенно очевидно встанут две проблемы. Это стратегия или концепция вывода войск, которой, на мой взгляд, до сих пор нет. Есть некая схема, разрисованная на политической карте, где обозначены пути вывода. Но я думаю, что концепция – это не только схема на географической или политической карте мира, это нечто более укрупненное, более конструктивное. Ее, на мой взгляд, до сих пор нет.

И, главным образом, до сих пор нет приблизительной модели, хотя бы в эскизном варианте, того, что же будет с Афганистаном и Центральной Азией. Мы говорим о Центральной Азии, потому что мы здесь живем. Дело в том, что афганская проблема – это не

только проблема Центральной Азии. Я убежден, что вы все прекрасно понимаете, что афганская проблема – это в большей степени проблема Пакистана. Хотя Пакистан наши американские коллеги считают частью Центральной Азии, я к этому не склонен. Для Индии Афганистан – это тоже достаточно серьезная проблема. Нельзя забывать и об Иране.

Кроме проблем географического стратегирования и моделирования ситуации есть еще функциональная проблема – исход из Афганистана разного рода экстремистских идей, всякого рода идеологий, наркотиков. Я думаю, что про наркотики будут говорить и наши уважаемые спикеры.

На временном отрезке от 2001 до 2014 года произошли некие трансформации. Я чуть позже скажу, какие трансформации я вижу сегодня. Но в концептуальном плане от того, что Буш в свое время назвал «Несокрушимой свободой», затем появилась по инициативе Фредерика Старра идея проекта «Большая Центральная Азия», а позже госпожа Хиллари Клинтон, будучи Государственным секретарем, обозначила новую тематику в рамках Большой Центральной Азии – «Новый Шелковый путь».

Приемлемо это было или нет, вопрос другой. Об этом мы тоже можем поговорить. О каких-то деталях, связанных с позицией нашей страны в отношении вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана, проблеме наркотиков мы будем говорить сейчас.

Я хочу поприветствовать Самаргуль Эркиновну Адамкулову, заместителя министра иностранных дел, человека, который курирует эту проблему. Она достаточно активно инкорпорирована

в эту проблематику и участвует в различных серьезных, и дипломатических, и недипломатических конференциях, встречах на высшем уровне. Речь идет о так называемом Стамбульском процессе, который связан с реконструкцией экономики Афганистана и всех прочих весьма интересных и, может быть, даже полезных вещей. Самаргуль Эркиновна, как я представляю, сегодня изложит позицию нашего государства.

К большому сожалению, плотный график ее работы не позволяет поучаствовать ей в дискуссии, которая развернется здесь после выступления наших основных спикеров. Но, тем не менее, мне сейчас доставляет большое удовольствие предоставить ей слово.

Самаргуль Адамкулова: Уважаемый Муратбек Сансызбаевич, прежде всего, я хотела бы поблагодарить вас, IPR, за любезное приглашение и предоставленную возможность выступить сегодня здесь. Также я надеюсь, что сегодня у вас состоится хорошая дискуссия.

Если вы позволите, то я официально зачитаю свое выступление. Как вы правильно отметили, развитие ситуации в Афганистане оказывает прямое воздействие на стабильность и безопасность, прежде всего, центральноазиатского региона. В этой связи афганская проблема, принятие совместных мер по противодействию международному терроризму, экстремизму и наркотрафику заслуженно требуют особого внимания всех стран Центральной Азии, включая Кыргызстан.

Вместе с тем, наверное, будет правильным отметить, что ключ к решению проблемы Афганистана находится, прежде всего, в руках самого афганского народа и правительства этой страны как ее

законного представителя. Процессы политической стабилизации и укрепления государственной власти в Афганистане напрямую зависят от темпов и методов разрешения проблем социально-экономического характера.

Принятая правительством Карзая национальная стратегия развития Афганистана на сегодняшний день дает свои определенные результаты. В Афганистане развиваются определенные институты, формируется государственное управление, и проводятся меры по передаче обеспечения безопасности страны национальной армии Афганистана.

При помощи зарубежных стран реализуются многие социально-экономические проекты. В этой связи хотелось бы отметить, что Кыргызстан, безусловно, поддерживает инициативу правительства Афганистана на пути достижения устойчивого мира и стабильности.

Весьма важная роль в вопросе восстановления Афганистана, безусловно, принадлежит укреплению именно развития регионального сотрудничества. В этой связи Кыргызстан выражает свою готовность оказывать всемерное содействие в вопросах обеспечения стабильности, безопасности в Афганистане, достижению устойчивого экономического роста в стране и ее интеграции в региональные институты.

Солидарность стран региона с Афганистаном является не только важной предпосылкой скорейшей нормализации жизни в Афганистане, но и одним из ключевых условий укрепления стабильности в самой Центральной Азии.

Кыргызская Республика принимает активное участие во всех международных конференциях и инициативах по Афганистану. Только в 2012 году наши делегации приняли участие более чем в десяти мероприятиях международного формата. Как вы уже отметили, безусловно, важным является участие Кыргызстана в так называемой инициативе «Сердце Азии» и принятые меры по укреплению доверия в рамках Стамбульского процесса.

Этот формат регионального сотрудничества стран предусматривает реализацию трех ключевых элементов, что нашло отражение в нашем Стамбульском процессе.

Во-первых, это проведение регулярных политических консультаций между Афганистаном, его ближайшими и дальними соседями.

Устойчивый, поэтапный подход к реализации мер доверия, которые были согласованы на прошедших конференциях.

Поиск путей внесения вклада участников в вопросы достижения большей согласованности в этих процессах в рамках различных региональных организаций. Особенно в том контексте, где они связаны с Афганистаном.

Немаловажную роль в интеграции усилий международного сообщества, региональных стран по Афганистану сыграла состоявшаяся в прошлом году Кабульская конференция, по итогам которой был принят ряд конкретных мер и предложено видение дальнейшего взаимодействия для достижения поставленных целей и задач в обеспечении региональной стабильности и безопасности.

Я хотела бы отметить, что в рамках Стамбульского процесса создано шесть рабочих групп, которые принимают меры по укреплению доверия. С учетом того, что мы являемся соседом Афганистана, Кыргызстан участвует в работе всех шести рабочих групп: по борьбе с наркотиками, по борьбе с терроризмом, по укреплению инфраструктуры, по развитию региональной торговли и так далее.

Мы также поддерживаем Афганистан в его стремлении интегрироваться в процессы регионального экономического сотрудничества. В этой связи я хотела бы сказать, что у нас еще один формат сотрудничества, который называется региональное экономическое сотрудничество «РЕККА». К настоящему времени мы уже провели пять региональных конференций. Последняя конференция состоялась в прошлом году в Душанбе, где разрабатывались проекты, в которые вовлечены страны региона и Афганистан.

Также большое значение мы придаем поднятию вопроса развития Афганистана в рамках тех организаций, членом которых является Кыргызстан. Особенно я бы хотела отметить ШОС и ОДКБ.

Принимая во внимание, что Кыргызстан в этом году председательствует в ШОС и в ОДКБ, под эгидой этих организаций в Бишкеке планируется провести международную конференцию по вопросам безопасности центральноазиатского региона после вывода миротворческих сил из Афганистана в 2014 году. Я надеюсь, что мы будем сотрудничать и в этом формате.

Также я хотела бы остановиться на том, что Кыргызстан стремится улучшить взаимодействие с Афганистаном в

двустороннем формате. В этой связи руководством Кыргызстана принято политическое решение об открытии в текущем году кыргызского посольства в Кабуле. И мы надеемся, что и на двусторонней основе у нас будет идти обсуждение всех вопросов, волнующих обе страны.

Также я хотела бы отметить, что мы участвуем в реализации крупных региональных проектов, в том числе и энергетических, таких как CASA-1000. Есть еще ряд региональных инфраструктурных проектов, в рамках Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC) и других форматах.

Я хотела бы вас проинформировать о том, что по инициативе Министерства иностранных дел в январе в Бишкеке прошли первые кыргызско-афганские межмидовские консультации, по итогам которых мы подписали протокол. В нем нашли отражение все перспективы двусторонних взаимоотношений на ближайшие 2013-2014 годы.

Буквально на днях, в рамках участия в саммите Организации исламского сотрудничества (ОИС), главы внешнеполитических ведомств нашей страны и Афганистана провели переговоры, в ходе которых состоялся обмен мнениями по организации взаимных визитов и укреплению политического сотрудничества, а также обсуждался ряд перспектив сотрудничества в торгово-экономической сфере.

В завершение своего выступления я хотела бы еще раз, как бы суммируя все форматы участия, сказать, что наша страна весьма активно и последовательно участвует в мероприятиях,

посвященных или связанных с Афганистаном, на уровне международных организаций. Есть региональные форматы, и мы также активно развиваем сотрудничество на двусторонней основе. Спасибо.

Муратбек Иманалиев: Спасибо большое, Самаргуль Эркиновна, за ваше интересное и очень полезное выступление. Я думаю, что информация, предоставленная экспертам, присутствующим в зале, будет очень активно использована в дальнейших исследованиях и работах, которые будут представлены широкой публике. Я хочу подтвердить еще раз свое удовлетворение тем, что наше Министерство иностранных дел очень активно занимается весьма сложной во всех аспектах и очень нужной проблематикой.

Я убежден, что все ваши начинания, безусловно, будут обречены на успех. Еще раз хочу поблагодарить за ваше выступление и от имени Института, и от имени присутствующих здесь друзей и коллег.

Теперь я хотел бы предоставить слово независимому эксперту – Валентину Борисовичу Богатыреву.

Валентин Богатырев: Моя точка зрения, мой подход будет несколько неожиданным для темы. Сейчас вокруг этой проблемы очень много разговоров. Но я полагаю, что Афганистан выходит из фокуса геополитики. Это уже заметный реальный процесс, есть другие более важные вещи, которые происходят в мире, и в том числе в этой части мира. Я думаю, что необходимо трезво ее рассматривать и не поддаваться существующим сейчас трендам. Существует три контекста, в которых следует рассматривать проблему «Афганистан-2014».

Первый – это, несомненно, внутриафганский.

Сегодня Афганистан представляет весьма сложную, мозаичную картину с неопределенной динамикой.

Существует несколько устойчивых стереотипов этого состояния и сценариев его развития. Наиболее важные для рассмотрения – это:

- (1) уход иностранных военных из Афганистана
- (2) Талибан
- (3) представление о слабости Кабула, центральной власти
- (4) ожидание раздела страны

Ситуация состоит в том, что эти стереотипы в большей степени некоторые симулякры, чем реальность. Это выдуманные объекты, вокруг которых концентрируется наше с вами внимание.

Да, существует нечто, называемое Талибан, которому придаются характеристики единого движения, тогда как на самом деле это сильно мозаичный феномен, под который загоняются самые разные силы и процессы. Вы должны понимать, что даже Мухаммед Омар (Мулла Омар), лидер движения, сейчас точно не скажет, что

включает в себя Талибан. Это достаточно разрозненная конструкция со слабыми командными структурами и действующая на очень большой территории, причем в условиях большого племенного разнообразия.

Я уже не говорю о том, что есть афганские, есть пакистанские талибы, они несколько различаются. Мы должны понимать одну простую вещь, когда говорим о Талибане, что это движение цементируется, в основном, за счет образа внешнего врага. Есть советские войска – есть Талибан, есть американские войска – есть Талибан, но я думаю, что, когда они утратят внешнего врага, они во многом утратят основание для объединения. Даже в той мере, в которой они объединялись, они будут разваливаться, потому что вступят в силу застарелые, нескончаемые межплеменные, межклановые распри, которые там всегда существовали и никогда не стихали.

Я думаю, что таким же мифом является представление о том, что Карзай не контролирует ничего, кроме Кабула. Не потому, что это неправда, это действительно так. Необходимо понимать, что Афганистан всегда был страной с децентрализованной системой власти, даже в эпоху эмирата (1834-1926 годы) или позднее – королевства (1929-1973 годы). При этом существовала достаточно сильная лоскутная власть, опирающаяся на лидеров групп и племен. В этом смысле централизованного государства, как мы это понимаем, там никогда не существовало.

Также малоосновательна и идея распада страны. Хотя бы потому, что нет ни одной ее неоспоримо цельной части. Даже в регионах преобладания тех или иных народностей, например пуштунов, существуют большие этновключения.

Только пуштунов в Афганистане проживает около ста племен, внутри которых существуют большие противоречия. Для того чтобы строить прогнозы, скажем, в отношении пуштунского государства, следует знать, кто с кем состоит в родстве или кровной мести, причины их соперничества и ссор, знать очаги противоречий и потенциальных конфликтов. И это не говоря уже о других народностях и племенах. Для северного Афганистана – это вопрос о взаимоотношениях таджиков и узбеков, который не менее сложен.

Поэтому отказ от стереотипов – первое, что надо сделать для понимания того, что будет происходить в Афганистане в случае вывода иностранных войск.

И, самое главное, надо отказаться от иллюзии, что войска на самом деле будут выведены. Все, о чем говорят сегодня в США и НАТО, – это сокращение военного персонала и отказ от участия в военных действиях, передача этой функции афганским силам. Это означает, что останутся базы, останутся советники, останется материально-финансовое обеспечение, то есть, по сути дела, останется военная инфраструктура.

Второй важнейший контекст – региональный.

Афганистан является важным компонентом региональных процессов, происходящих в Южной Азии.

Назову только три из них: наркотрафик, исламское сопротивление (радикальные группы) и претензии соседних государств на контроль афганских этнотерриторий. Стоит ли говорить, что все эти процессы если и связаны с присутствием или отсутствием

иностранных войск, то весьма косвенно. То есть они будут существовать и после 2014 года точно так же, как существуют сейчас и существовали до 2001 года.

Тренды тут очень тревожные. Прежде всего, в связи с пакистано-афганскими отношениями, которые остаются сложными и противоречивыми, но, в любом случае, – конфликтогенными. Известна роль Пакистана в формировании и поддержке движения Талибан, как и их соучастия в действиях сил антитеррористической коалиции. И то и другое не вызывает к ним симпатии кабульского руководства. И, пожалуй, только конфликт на другой границе – пакистано-индийской – избавляет афганцев от более пристального внимания соседа и более развернутых конфликтов с Пакистаном.

Но для нас важнее другая линия: борьба за контроль севера Афганистана между узбекскими и таджикскими группами, особенно в контексте отношений между Узбекистаном и Таджикистаном.

Сегодня северные территории практически безраздельно контролируются этническими таджиками, и узбекское население, элиты, как и руководство Узбекистана, не могут не признавать этот факт. Но не могут и относиться к этому спокойно. Своего рода реванш берется на севере, на границе между Узбекистаном и Таджикистаном.

К тому же эти противоречия между Узбекистаном и Таджикистаном, связанные с борьбой за контроль на севере Афганистана, очень активно, и это вполне понятно, используются другими игроками, прежде всего, Россией для решения своих задач и усиления своего влияния в Центральной Азии.

И третий, пожалуй, самый важный – глобальный контекст.

Хотя Афганистан выходит из геополитического фокуса, но продолжает играть достаточно важную роль в проектах, которые разворачиваются в этом регионе. Контроль Афганистана является важным фактором геополитики, как США, так и Европы, Китая и России. Конечно, сегодня Россия уже не претендует на доминирующую роль в этом регионе. Но и она, и Китай крайне заинтересованы в сохранении управляемости в Афганистане. Они не только вынуждены мириться с тем, что эту роль выполняют США и НАТО, я имею в виду контроль за управляемостью Афганистана, но и испытывают известное облегчение от того, что не им приходится это делать. Для России афганский вопрос в большей степени увязан с проблемой контроля наркотрафика и контроля за Центральной Азией. Для Китая – с задачей доступа к ресурсам, которыми богат Афганистан, и ограничения экспорта с афганской территории уйгурского сепаратизма.

Напомню, что в Афганистане были обнаружены крупные месторождения железа, меди, кобальта, золота. Кроме того были обнаружены залежи ряда промышленных металлов, таких как литий – материал, необходимый для производства элементов питания, и ниобий, используемый для изготовления сверхпроводимых материалов. Медное месторождение Айнак близ Кабула, например, считают самым большим в Евразии (запасы около 240 млн. тонн руды с содержанием 2,3 % – оценка 2006 г.). Отчет Пентагона 2010 года оценивает стоимость открытых полезных ископаемых в один триллион долларов. Естественно, что это очень интересует всех игроков, но в большей степени, конечно, Китай.

Наиболее интересным является вопрос об интересах США в этой части Азии. Да, они тоже интересуются ресурсами, особенно редкоземельными металлами, наркотрафиком. Но сторонники идеи существования глобальных заговоров отводят Афганистану более

весомую роль в американской внешней политике. Он рассматривается как важнейший стратегический плацдарм США в Южной Азии, обеспечивающий меры контроля и давления во всех направлениях: иранском, пакистано-индийском, российском, китайском. Для них будет важно сохранить военную инфраструктуру в этом регионе. Очевидно, что характер, формат и масштабы американо-пакистанского сотрудничества не обеспечивают решения этой задачи.

Нас, конечно, больше интересует северное от Афганистана направление, поскольку оно выводит на тему борьбы за контроль наркотрафика и контроль Центральной Азии.

Я думаю, что вы все посмотрели информацию о том обсуждении, которое состоялось в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) США и о том, что там говорилось ведущими американскими аналитиками относительно перспектив Центральной Азии.

Вывод, насколько я понимаю, в следующем. То время, когда Фредерик Старр полагал, что Центральная Азия может стать важным объектом внешнеполитического действия США и предлагал проект «Большая Центральная Азия» как формат, в котором это воздействие будет осуществляться, уже проходит.

В докладе Джеффри Манкоффа ключевая идея уже состоит в другом — этот регион выходит из фокуса внимания США и в ближайшее время интерес к нему, а следовательно, и ресурсы, которые сюда будут направляться, будут снижены. Это означает, говоря простым языком, что Америки будет меньше, но это не снимает интересы США в регионе и в тех процессах, которые здесь

происходят.

Каким образом тогда это будет осуществляться?

Судя по тому, что говорят американские эксперты, и что мы с вами можем наблюдать, скорее всего, США займут очень своеобразную позицию: они будут, как говорят у китайцев, с горы наблюдать за схваткой тигров. Они будут наблюдать за тем, как на этой площадке работают друг с другом Россия и Китай.

Более того, они в определенной мере будут делегировать и той, и другой стране определенные проблемы, которые можно решать здесь, и оказывать содействие в этом. Если вы внимательно проследите за тем, как американцы входят в этот политический формат, то увидите, что они в Китае говорят о том, что выступают против российского влияния здесь, а в России – о необходимости сдерживания китайского присутствия в Центральной Азии.

Мне кажется, что американцы выбрали именно такую стратегию: наблюдать с горы за тем, как Россия и Китай будут обеспечивать продвижение своих интересов, осуществлять борьбу за ресурсы, борьбу за контроль, в том числе политический, над регионом.

Я не хочу далее говорить о том, в каких форматах это здесь будет осуществляться, потому что есть очень интересные вещи, связанные с Узбекистаном, которые уже начали происходить на наших глазах.

Ключевыми неопределенностями текущей ситуации в Центральной Азии относительно процессов, происходящих в Афганистане и вокруг этой страны, выступают:

развитие социальной, социально-экономической и политической ситуаций в странах Центральной Азии в кратко- и среднесрочной перспективе (возможность попыток смены власти по моделям «оранжевой» или «арабской» революций или трансформация ситуации в случае смены политического лидера);

формат, стратегические и тактические характеристики предполагаемого «вывода войск НАТО» из Афганистана;

возможные политические и военно-политические договоренности стран НАТО (прежде всего – США) и стран Центральной Азии относительно выводимых из Афганистана сил.

Исходя из сложившейся ситуации с урегулированием в Афганистане политика стран Центральной Азии в этом вопросе, вероятнее всего, будет ориентирована на:

– активизацию усилий по налаживанию политического диалога с Афганистаном (со всеми политическими силами внутри Афганистана), странами-соседями и ведущими центрами сил, заинтересованными в сохранении единой афганской государственности;

– оказание содействия в разрешении социально-экономических проблем Афганистана, поддержку проектов, направленных на

формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана.

Узбекистан и Туркменистан, вероятнее всего, будут исходить из активизации деятельности в двусторонних форматах, Таджикистан, Казахстан и Киргизия – опираться на многосторонние структуры, вовлеченные в процесс афганского урегулирования.

Хотя страны Центральной Азии имеют несколько разные взгляды на ситуацию в Афганистане, сравнительный анализ их интересов, связанных с положением дел в этом государстве, позволяет выделить следующие общие позиции:

в экономическом секторе: использование транзитного потенциала Афганистана (с выходом в Южную Азию);

в сфере безопасности: необходимость снижения исходящих из Афганистана угроз – религиозного фундаментализма и экспорта наркотиков афганского происхождения;

в социальном секторе: реализация совместных программ в области образования, подготовки и переподготовки кадров.

Помимо этого имеются интересы, общие для нескольких стран Центральной Азии. Так, Казахстан и Узбекистан заинтересованы в реализации инфраструктурных проектов, а также в инвестировании в промышленные объекты. Казахстан, Таджикистан и Узбекистан указывают на заинтересованность в сохранении целостности Афганистана: формирование стабильного Афганистана на основе

принципов территориального единства и неделимости Афганистана.

Данные совпадения, безусловно, могут и должны стать основой совместных действий стран Центральной Азии по содействию нормализации ситуации в и вокруг Афганистана.

Основные выводы:

1. Не стоит ожидать кардинального ухода из Афганистана, это процесс очень длительный, и в обозримом будущем там останется иностранное военное присутствие.

2. Не стоит ожидать кардинальных изменений в самом Афганистане, там принципиально будет все то же самое, что было раньше.

3. Не будет никаких существенных факторов, связанных с Афганистаном и выводом войск, для влияния на ситуацию в Центральной Азии.

4. Ситуация в Центральной Азии в большей мере связана с другими процессами, которых два:

– конфигурация отношений внешних центров силы вокруг региона (США-Китай-Россия);

– процессы смены власти в Узбекистане и Казахстане.

Эти два процесса будут в большей степени влиять на ситуацию в Центральной Азии, чем Афганистан и вывод оттуда войск. Как сказала заместитель министра, теперь можно открывать кыргызское посольство в Кабуле, потому что там мы ничего не

решаем.

Муратбек Иманалиев: Спасибо, Валентин Борисович, за ваше сообщение. Я думаю, что оно было более чем интересным. Самое главное для экспертного сообщества нашей страны, что оно дискуссионно. Каждый ваш тезис требует сначала осмысления, а потом уже можно будет дискутировать. Самое главное, что вы всегда предоставляете материал, который требует не только осмысления, но и хочется его пообсуждать.

Со многим из того, что было сказано вами, я в принципе согласен. Я бы хотел добавить кое-что, связанное с регионом Центральной Азии, Кыргызстаном и наркотиками. Конечно, хотелось бы коснуться проблем экономики в Афганистане, но я думаю, что пока еще рано говорить об этом.

Самаргуль Эркиновна и Валентин Борисович упоминали о том, что Китай и многие другие страны, в том числе и Россия, которая, может и в меньшей степени, чем западные страны, инкорпорируется в эту ситуацию восстановления экономики Афганистана. Я был в Кабуле и видел эти процессы, это весьма интересно и очень поучительно.

Продолжая речь о стратегиях или концепциях вывода, я конечно, согласен с Валентином Борисовичем в том, что речь не идет о том, что в 2014 году все оттуда уйдут и никого не останется. На самом деле американцы не скрывают того, что от 8 до 12 тысяч военнослужащих останутся в Афганистане. Прежде всего, речь идет о тренерах, специалистах, которые останутся в качестве советников, инструкторов и будут заниматься подготовкой, оказанием содействия правоохранительным силовым структурам Афганистана, которые также подлежат определенному

сокращению. Во-первых, это связано с финансами. Во-вторых, с определенным политическим процессом.

В 2014 году предстоят выборы президента Афганистана. Известно, что господин Хамид Карзай не намерен баллотироваться на этот пост, так как не имеет права в соответствии с Конституцией Афганистана. Как это будет происходить? Под чьим контролем? Будут ли создаваться серьезные международные наблюдательные комиссии, системы? Мне пока неизвестно.

Я думаю, что, скорее всего, так и будет. Хотелось бы надеяться, что международные сообщества и, прежде всего, ООН будут также внимательно отслеживать политическую ситуацию и окажут содействие в восстановлении данного государства. Афганистан уже более 30 лет находится в состоянии перманентных военных действий, связанных с советским вторжением, затем с гражданской войной, потом с появлением там сил НАТО, прежде всего, американцев.

Хочу сказать, что у американцев отсутствует стратегия концепции вывода войск. Я вижу какую-то схему, но в ней не обозначены интересы центральноазиатских государств, за исключением маршрутов и определенных разговоров о том, что американцы могут какую-то часть невоенного снаряжения оставить центральноазиатским государствам. В каком объеме? Что именно? Какой перечень будет? Много сообщений о том, что Узбекистан обратился с просьбой к Вашингтону увеличить объем оставляемого военного снаряжения.

В то же время некоторые эксперты тут же напоминают о том, что Россия готова помочь Кыргызстану, и предстоит некая схватка.

Это пусть останется на совести этих экспертов. На самом деле я думаю, что речь идет не об этом.

Какие трансформации происходят в понимании ситуации в Афганистане под руководством этих международных сил? Прежде всего, больше чем за десять лет военных операций в Афганистане пришло абсолютно четкое понимание того, что военным способом проблему ни в глобальном, ни в региональном, ни в наркотическом, ни в каком другом контексте не решить. Нужны иные способы. Какие это способы, пока никто не может точно сказать, за исключением того, что постоянно говорят: афганский народ должен сам решить эту проблему и быть, так сказать, заперщиком в этом деле. Это тезис, который сейчас ставится во главу угла в деле восстановления Афганистана. Говорят, что мы передадим власть афганцам, а они сами должны избрать президента и что-то предпринять. Но какую помощь должно оказывать международное сообщество и что оно готово сделать, пока неясно.

Мое понимание этой проблемы – каждая страна действует самостоятельно. Во всяком случае, крупные государства, которые говорят о том, что они объединены в некие межгосударственные пулы, союзы и так далее, тем не менее, каждый старается для себя. Надеюсь, что я не прав.

Сейчас, как известно, эти же государства ведут переговоры с разными группами талибов.

Вторая трансформация, произошедшая за эти 12 лет, – от жесткой абсолютной неприемлемости восприятия талибов к сегодняшним переговорам с ними. Как вы знаете, примерно года три люди

говорят о том, что надо привлечь талибов к переговорному процессу, правда стыдливо так говорят, что нужно пригласить умеренных талибов, тех, кто не связан с «Аль-Каидой», отлучен от боевых действий против Международных сил содействия безопасности и принимает Конституцию.

Я думаю, что все эти три критерия более чем условны. Что значит для афганцев Конституция Афганистана, я имею в виду, конечно, талибов, или отсутствие связей с «Аль-Каида» или, тем более, неучастие в боевых действиях против НАТО?

Это две очень серьезные трансформации, которые произошли. Я не хочу сказать, что они являются свидетельством сдачи позиций и неудачи международных сил в обеспечении безопасности в Афганистане. Тем не менее, это демонстрация не совсем того, что можно было бы сделать.

Что касается проблем, связанных с Центральной Азией, то есть те регионы, которые мы обозначили, как Центральная Азия, – это пять бывших советских республик.

Первая и самая главная проблема Афганистана, которая плотно коррелируется с проблемами безопасности каждой из этих стран и в целом региона, делегирована США. Я должен сказать, что, на мой взгляд, дай Бог, что я ошибаюсь, никто плотно не занимается проблемой Афганистана в Центральной Азии. Да, есть разные уровни, объемы знаний какой-то инкорпорированности, какие-то мелкие проекты, но не более того.

Мне кажется, что нужно более активно заниматься

центральноазиатскими государствами, проблемой Афганистана не только в рамках оказания содействия, как от нас требуют этого международные сообщества, но и в плане, прежде всего, обеспечения безопасности.

На мой взгляд, юридическая международная правовая база для этого сложилась. Есть совершенно блистательное соглашение от 20 апреля 2000 года по этой проблеме, подписанное четырьмя государствами Центральной Азии, всеми, кроме Туркмении. Можно было бы развить и укрепить эту правовую базу и более серьезно заняться этим.

Возможен ли такой вариант совместных усилий, пока трудно сказать. Я думаю, скорее всего, в обозримом будущем вряд ли это можно будет сделать. Но, мне кажется, что экспертные сообщества всех государств Центральной Азии, было бы желание, подвигли бы свои правительства к этой результирующей константе. Надо двигаться куда-то в эту сторону.

Очевидно, что проблема безопасности Центральной Азии, я здесь солидарен с Валентином Борисовичем, – это не столько проблема талибов или Афганистана, а наша проблема.

Обратите внимание, что у нас в Центральной Азии, к большому сожалению, появились свои нехорошие организации, в этом – главная опасность. Вероятно, они связаны с какими-то организациями в других странах, в том числе и в Афганистане, я это не оспариваю, но проблема в том, что они появились в Центральной Азии.

События в Казахстане прошлого года, в Таджикистане, в Кыргызстане, между прочим, свидетельство того, что автохтонные террористические преступные организации более опасны, чем пресловутый образчик, который все время пытается вогнать в наше сознание зарубежная пресса. Думаю, что над этим надо очень серьезно работать.

Хотелось бы сказать о том, что происходит с Кыргызстаном. Американцы и Запад в целом благодарны нам за то, что мы предоставили им возможность создать перевалочную базу в нашем аэропорту. Я думаю, это то, о чем они постоянно говорят на переговорах.

Мы уже в течение длительного времени ведем переговоры не столько с администрацией США, сколько с Пентагоном. Мы как бы находимся в некотором пространстве внешней политики Пентагона. На мой взгляд, 70-80 процентов внешнеполитических усилий, прежде всего, связано с Пентагоном. Собственно говоря, база – это проект Пентагона.

Когда говорят, что ее надо переформатировать в гражданский объект, для меня это означает, что это проблема принятия решения в Вашингтоне о передаче этой базы в ведение Министерства транспорта США либо в Государственный департамент. Совершенно очевидно для меня, что если она будет находиться в ведении Пентагона, то никогда не станет гражданским объектом. Это проблема, которую необходимо решать.

На прошлом Круглом столе я сказал, что перевалочная база – единственный канал и механизм взаимодействия между администрацией США и правительством Кыргызстана. Сразу

посыпались вопросы. На самом деле я не вижу явных проявлений других интересов американцев к нашей стране.

В Казахстане некоторые подвергли критике мой тезис, сказали, что отношения Америки и Узбекистана были в худшем состоянии, но, тем не менее, им удалось договориться. Я думаю, что мы должны все-таки делать не плоскостные сопоставления Кыргызстан-Узбекистан, других стран, а видеть более рельефные вещи, которые где-то ощущаются руками, а где-то воспринимаются умозрительно. Я не хотел бы распространяться на эту тему.

Я хотел сказать, что на самом деле Кыргызстан, равно как и другие страны, в том числе и крупные, в определенной степени должны благодарить американцев за то, что они сдерживают ситуацию в Афганистане.

С другой стороны, я полагаю, что Кыргызстан понес достаточно понятные определенные имиджевые потери в связи с тем, что эта база находится в Кыргызстане. Эти потери должны быть реабилитированы либо каким-то образом восстановлены. Речь идет не о финансах.

Хочу напомнить о том, что Международные силы содействия безопасности в Афганистане были созданы на основе соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, я имею в виду политическую правовую основу. Несмотря на то, что мои западные друзья мне возражают, говорят, что это двусторонний американо-кыргызский документ о базе, тем не менее, хочу настоять на том, что открытие базы абсолютно четко, может быть, в правовом смысле косвенно, но коррелируется с этой резолюцией. Поэтому я глубоко убежден, что Кыргызстан, равно

как и другие страны, которые вошли в антитеррористическую коалицию, о которой я упоминал вначале, ссылаясь на телеобращение Джорджа Буша, а их там, по-моему, набирается свыше 40 стран, вправе попросить, чтобы был некий доклад о деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане.

Например, я проявляю достаточно большой интерес в личном качестве, думаю, что правительству Кыргызстана это тоже интересно. Мы должны знать, что же все-таки сделано и не сделано. В конце концов, этот отчет, с моей точки зрения, связан еще и с имиджем ООН. Мне кажется, что нельзя войти, получив одобрение Совета безопасности, а выйти без соответствующих решений ООН. Я думаю, что мы должны соблюсти правила игры в этом смысле и поддержать в данном случае ООН и ее имидж. Думаю, что это было бы полезно для всех участников и членов ООН.

У Кыргызстана нет четко профилированных интересов в Афганистане. Говорят, что есть экономический интерес. Но я не вижу экономических интересов Кыргызстана в Афганистане, в отличие от наших соседей: Таджикистана, Узбекистана, Туркмении. Нет также этноориентированных интересов, полторы тысячи кыргызов, которые живут в афганском Бадахшане, действительно интересная тема, но она больше все-таки гуманитарного свойства, нежели проблема, связанная с политикой в Афганистане. Опять же в отличие от наших соседей: Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и даже Казахстана.

Но, тем не менее, проблема безопасности и сотрудничества для Кыргызстана является достаточно актуальной. Именно поэтому я считаю, что мы должны не просто присутствовать в Кабуле, но обозначить свой сектор сотрудничества не только с

Афганистаном, но и с другими структурами: как страновыми, так и международными. Я имею в виду UNAMA (Миссия ООН по оказанию помощи в Афганистане) – это совершенно очевидно, там работают наши с вами соотечественники в достаточно большом количестве, с которыми надо очень активно работать.

Последнее, о чем я хотел бы сказать, – это наркотики. Я поддерживаю в этом смысле идею господина Иванова о том, что наркотики должны быть признаны мировой опасностью, то есть необходимо придать этой проблеме глобальное свойство.

Я вновь обращаю внимание присутствующих здесь друзей и коллег к докладу Пан Ги Муна 2008 года о наркоситуации. Правда, этот доклад имел определенные изменения, обновления в последующие годы, но основополагающим является доклад 2008 года, где сказано, что 20 процентов производимого героина употребляется страной, которая составляет 0,2 от населения земного шара. К большому сожалению, я должен признать, что Кыргызстан тоже попадает под эту категорию. Поэтому борьба с наркотиками из Афганистана – это еще и помощь афганскому народу.

Я думаю, что в осмыслении этого должна все-таки лежать проблема не только борьбы с наркотиками, но и оказания помощи афганцам. Необходимо очень серьезно думать над тем, как мы должны это сделать.

Посевные площади опиума то увеличиваются, то уменьшаются. Увеличивается и уменьшается производство опиатов. Самый большой урожай был, если я не ошибаюсь, в 2007 году – 8 200 тонн, а самый маленький – при талибах, насколько мне известно, в 2001 году, всего 200 тонн. В 2012 году помог грибок, который

съел часть опиума, поэтому урожай был небольшой, но в абсолютном выражении достаточно большой для производства героина и прочих наркотиков. С этим надо что-то делать. Я понимаю сложившуюся ситуацию, представляю стоимость наркотропы, которая идет из Афганистана через центральноазиатские государства в Европу, в Россию. Я понимаю и персональные разделы этой проблемы, но, тем не менее, люди должны что-то делать, потому что это очень опасно.

Теперь о наших проблемах, связанных с деятельностью тех международных организаций, которые созданы на территории СНГ, я веду речь об ОДКБ и ШОС.

В отношении ОДКБ, Сергей Викторович Лавров в недавнем своем интервью говорил о внешнеполитических итогах России в 2012 году. Говорилось о выводе международного воинского контингента из Афганистана в 2014 году и о том, что в этой связи в соседнем Таджикистане есть большие опасения, что в регионе может начаться распространение терроризма и экстремизма. На вопрос: готова ли Россия как-то помочь укреплению афганской границы своими силами, ОДКБ, он ответил следующим образом: «Перспектива обострения после 2014 года исходящих с территории Афганистана угроз беспокоит не только Таджикистан, но и другие страны Центральной Азии и Россию.

Наркотическая и террористическая угрозы из Афганистана задевают наших центральноазиатских соседей, а через них и Российскую Федерацию. Этот вопрос регулярно обсуждается в рамках ОДКБ. На последнем саммите Организации в декабре 2012 года в Москве на этот счет были приняты специальные решения, которые, в том числе, предполагают оказание содействия Таджикистану в укреплении таджикистано-афганской границы, в оборудовании современными видами техники, а также поддержки по

другим направлениям, включая сотрудничество по линии ОДКБ между правоохрнительными, пограничными, таможенными службами. Это достаточно развернутые решения, которые, на мой взгляд, будут способствовать пресечению “перелива” афганских угроз в Центральную Азию и через нее – в Российскую Федерацию».

Ну и далее, с моей точки зрения, наиболее важное для нашей с вами беседы. «Какого-либо развертывания дополнительных сил и средств на данном этапе не планируется. Все предусматриваемые меры будут осуществляться за счет поддержки таджикистанских друзей. Там находятся российские советники...».

Так что устами российского министра иностранных дел сказано, что ОДКБ, в общем-то, будет вяло реагировать, я имею в виду практический смысл, какие-то действия, присутствие, активизацию, на ситуацию в Афганистане. Действительно, у ОДКБ есть отличная программа по борьбе с наркотиками совместно с американцами. Это направление, видимо, будет активизироваться. И, как видно из текста, вряд ли будет сделано что-то еще.

Шанхайская организация сотрудничества имеет собственные позиции по этому делу – это консолидированная позиция всех стран – членов ШОС о том, что мы хотели бы видеть Афганистан миролюбивой, нейтральной, развивающейся страной. Но позиции по взаимодействию, по каким-то позиционным действиям, к сожалению, в этих декларациях не представлены. Я очень надеюсь, что ШОС все-таки тоже активизируется, тем более, что Афганистан с прошлого года является наблюдателем Шанхайской организации сотрудничества.

В целом, подытоживая свое выступление, я хочу сказать, что

ситуация в самом Афганистане не просто рыхлая, она деструктивная, и вследствие этого последствия ее развития абсолютно непонятны.

Существуют лишь некие схемы вывода, схемы движения, схемы разговоров, но не более. Вы знаете, что переговорный процесс в Катаре заглох, не получился. Сейчас пытаются перемоделировать эту ситуацию уже в Арабских Эмиратах. Может быть, вновь это будет в Катаре, но пока все идет очень плохо вследствие того, что те, кто участвует в переговорах, не признают Карзая за президента Афганистана. Они говорят, что будут вести переговоры только с американцами как со страной, которая оккупировала Афганистан. Надеюсь, что из этого всего получится что-то хорошее.

Ввиду того, что ситуация сама по себе является неконструктивной и не очень понятной, повторю свой второй тезис о том, что центральноазиатским и другим государствам, с которыми мы союзничаем, необходимо иметь не только четкие позиции, но и четкий план действий, причем он должен быть разнообразным, предусматривать разные модели развития ситуации к северу от Афганистана. Я согласен с Валентином Борисовичем в том, что нас, конечно, будет интересовать весь Афганистан, но в большей степени проблемы северного Афганистана, где этноориентированные компоненты политики многих государств Центральной Азии абсолютно рельефны.

Большая половина из тех экспертов в нашей стране, с которыми мне пришлось беседовать последние несколько дней, склоняется к тому, что необходимо отгородиться от Афганистана даже механическим путем – построить какой-то забор. Это, конечно, шутка. Я считаю, что так не должно быть. По мере возможности необходимо быть активными в этом направлении. Это важно для

Кыргызстана с точки зрения безопасности, будущего.

Проблема в том, что как бы мы ни представляли разницу, которая произошла между нами в течение сосуществования с Россией в едином государстве, тем не менее, Афганистан был и остается частью этого региона, и он очень важен не только для тех стран, которые с ним плотно граничат и имеют интересы, но и для стран более отдаленных. На этой, на мой взгляд, оптимистической ноте я хотел бы завершить мое выступление.

Кубат Рахимов: Очень рад вас видеть, Муратбек Сансызбаевич. Рад, что вы вернулись на родину после столь почетной миссии. К сожалению, ни разу не прозвучала фамилия Таалатбека Масадыкова – кыргызстанца, который является политическим директором миссии ООН в Афганистане.

Муратбек Иманалиев: Таалатбек Масадыков – очень известный не только в ООНовских кругах, но и во многих других политических сферах человек. Он сначала работал в Кандагаре и уже 12 лет он работает в Кабуле. Он является директором политического отдела UNAMA (Миссия ООН по оказанию помощи в Афганистане) и работает вместе с еще одним нашим другом – Яном Кубишем, который является Специальным представителем Генерального секретаря ООН по Афганистану и главой Миссии ООН по оказанию помощи Афганистану (МООНСА). Ян Кубиш также является известным человеком в Средней Азии, в том числе и в Кыргызстане. Это один из тех людей, который занимался проблемой ОБСЕ здесь, затем это был Евросоюз, мы его знаем и в качестве министра иностранных дел Словакии. Спасибо большое, что вы упомянули о Таалатбеке, мы им гордимся.

Валентин Богатырев: Возникает вопрос: как будет оценена эта миссия? Сейчас многие говорят о том, что эта миссия – провальная.

Муратбек Иманалиев: Валентин Борисович, вы смешали разные вещи. UNAMA и ее деятельность может быть подвергнута критике. Может быть подвергнута критике деятельность любой международной организации, в том числе и ООН. Я должен сказать, что сейчас наблюдается эпоха кризиса международных организаций. Поэтому то, что несколько лет назад американцы предложили от постоянных международных организаций перейти к созданию организаций «ad hoc» (является латинской фразой, означающей «к этому, для данного случая, для этой цели»), может быть и правильно. Эти организации существуют, и других никто не предлагает. Это один вопрос.

Второй вопрос – это уже персонифицированная ситуация, связанная с Таалатбеком Масадыковым. Будет заключение относительно деятельности UNAMA позитивным или негативным, меня это мало интересует в связи с Масадыковым. Афганцы, особенно пуштунские деятели, руководители племен, знают его как человека – «связника» между ООН и пуштунскими племенами, между пуштунскими племенами и правительством Карзая. Я думаю, что в этом смысле его деятельность будет оценена международным сообществом и афганцами очень позитивно.

Игорь Шестаков: В 2001 году я писал материал о том, что все потуги мирового сообщества сделать из Афганистана более или менее цивилизованное государство потерпят крах, потому что интеллектуальная элита этой страны в связи с тем, что там постоянно происходили перевороты, покинула территорию Афганистана, и там первыми лицами стали полевые командиры.

Если сделать некую ретроспективу, то можно сказать, что нынешняя ситуация в Афганистане схожа с ситуацией в Украине 1918-1920 годов, где властвовали Батька Махно, банда Зеленого (Данило Терпилло) и так далее. У руля этой страны стояли бандформирования. Как мы видим, за все годы этой контр-террористической операции сложилась некая демо-версия власти страны, опять же Карзай был завезен из-за рубежа как руководитель государства.

В связи с тем, что не видно афганской элиты, которая бы могла выстраивать государство в цивилизованном поле, даже несмотря на миллиардные кредиты, которые обещают этой стране, есть ли там внутренний фактор для того, чтобы эта страна действительно стала цивилизованной и после ухода американских солдат снова не превратилась в полигон различных экстремистских, террористических и каких угодно течений, которым она сейчас является?

Валентин Богатырев: Действительно, эта проблема существует, особенно когда страна много лет подвергается внешним воздействиям такого типа, как советское воздействие, или как сейчас — военное. Военное воздействие — это уничтожение людей, элиты, отход элиты от управления. В чем-то сходная ситуация и у нас, кстати говоря. Элита выбита в результате различных процессов. Конечно, это не означает, что если оттуда уйдут иностранцы, то там все сразу восстановится. Конечно, там очень долго, возможно, и не одно десятилетие, будут происходить процессы восстановления национального, элитного, культурного слоя.

Но все-таки я бы не называл Карзая полевым командиром. Он — представитель одного из древнейших родов. Он — один из представителей афганской элиты. Род Карзаев в 1761 году

подарил первому афганскому королю Ахмад-шаху Дуррани землю, на которой тот построил город Кандагар. Его отец был личным другом короля Захир-шаха. Это очень высокопоставленный род, и там таких много.

Другое дело, что жизнь в постоянных условиях войны выбивает ресурсы, делает не востребуемыми интеллектуальные ресурсы, поэтому, конечно, ожидать рассвет трудно.

Муратбек Иманалиев: Отвечая на этот вопрос, хочу сказать следующее. Что имеется в виду под словосочетанием «цивилизованное развитие»? Я хочу, чтобы было точно понятно. Киссинджер однажды сказал такую фразу: «Каждое общество должно развиваться в соответствии со своим историческим ритмом». Самое важное сегодня в Афганистане – это прекращение боевых действий. Думаю, что здесь при отсутствии плотных, сконструированных элитных групп, тем не менее, у афганских пуштунов, таджиков, узбеков все-таки на уровне народной воли существует понимание необходимости прекращения боевых действий. Это самое главное сегодня.

Будут они ездить на Мерседесах или не будут – это вопрос времени. Хочу сказать, что мне однажды уже задавали этот вопрос. Говорили, что там никогда ничего не будет. Я просил бы вообще афганскую проблематику при всей ее уникальности не вынимать из общего контекста тех событий, которые происходят в полосе от Магриба до Индонезии. Сложнейшие процессы, причем, хочу подчеркнуть, что в этот процесс вовлечены не только исламские государства, но и другие государства – создатели идеологии фашизма, коммунизма, всех тех нецивилизованных идеологий, которые получили распространение в других странах.

Теперь вопрос сопоставительного характера. Вьетнам. Тяжелейшая судьба страны – 100 лет войны. Несколько поколений родились и умерли в условиях очень сложных военных действий. Сегодня Вьетнам – это государство, которое получило мощное экономическое развитие. Я думаю, что, конечно, некорректно сравнивать Вьетнам – ситуацию в Юго-Восточной Азии с Афганистаном – ситуацией на Среднем Востоке . Еще раз подчеркиваю, что происходит весьма сложный процесс.

Я скажу, что плохо себе представляю будущее Средиземноморского региона, он жестко делится на Север и Юг. Юг – это проблемы не только экономики в Южной Европе. Север Африки – это другой берег Средиземного моря, потенциальный очаг очень серьезных конфликтов. Мне кажется, не надо смотреть на это с точки зрения евроцентрической цивилизации.

Игорь Шестаков: Испания же справляется с басками, решает эти региональные проблемы без военных действий.

Муратбек Иманалиев: Для того чтобы Европа пришла к Хельсинским соглашениям в 1975 году, она прошла только в 20 веке две мировые войны. Итог – это почти 100 миллионов человек, умерщвленных разными способами (холокост). Осознание этих вещей приходит не просто так. Европа – источник идеологии фашизма, коммунизма, расизма и всего, что хотите. Она породила то, что не породил ни один другой континент. Потом это получило распространение в других странах и континентах.

Думаю, что со словом «цивилизованный» как с дефиницией необходимо быть крайне осторожным при использовании в отношении каких-то народов, которые проходят другой, может

быть, более сложный путь развития.

Другой вопрос – это тяжелейший кризис религии в мире наряду с другими очень сложными кризисными явлениями. Это не только кризис ислама, это кризис христианства, буддизма. Поэтому я бы все-таки поостерегся употреблять такие слова.

Валентин Богатырев: Игорь, как вы относитесь к суфиям? Саид Исхак Гилани – человек, которого считают одним из самых вероятных претендентов на пост президента, принадлежит к роду очень известного суфийского ордена Кадирийа (Кадырия). Это глубочайший уровень интеллектуальности, духовности и всего прочего. Поэтому я соглашусь с Муратбеком Сансызбаевичем в том, что когда мы говорим об уровне цивилизованности, то необходимо иметь в виду, что это другая цивилизация. Не та, о которой мы привыкли говорить.

Улан Рыскельдиев: Выслушав вас, еще больше убеждаешься, что мы не знаем Афганистан, мы знаем только то, что там идет война и так далее. За все время взаимодействия с Афганистаном я лишь один раз видел министра иностранных дел и некоторых людей, которые приезжали оттуда на официальные мероприятия. Никто не знает, что там за люди живут.

Мы относимся к Афганистану как к государству с этническими особенностями, где живут полторы тысячи кыргызов, и все. Образ Афганистана у нас сложился из телепередач и со слов мировых новостных агентств. Одним не нравится Карзай. Может быть, другим он нравится. Мы говорим о том, что есть противоречия между таджиками, узбеками на севере. Наверное, они есть, но мы не знаем, кто их представляет, мы же видим только полевых

командиров.

Я хочу сказать об экономическом состоянии Афганистана. По моему мнению, годы войны привели к тому, что экономика страны находится в очень тяжелом состоянии. К сожалению, косвенным показателем является рост производства наркотиков. На что-то людям надо жить.

От того, что уйдут американцы, выведут свои войска, не просто уменьшится количество людей в военной форме, но уменьшатся и финансовые потоки, которые шли в Афганистан. Очень много коррупционеров не получит обещанные им сотни миллионов долларов, люди не будут работать. Есть большие проблемы, ничего нового там, к сожалению, не строится. На самом деле реального экономического роста в Афганистане нет.

Нас интересует ситуация на внешних границах. Все говорят, что там есть две этнические группировки – таджики и узбеки, которые контролируют Северный Афганистан. Ясно, что ОДКБ не будет вмешиваться в эту ситуацию. ОДКБ вооружит Таджикистан или укрепит таджикские границы, и дальше они сами будут решать проблему. Узбекистан тоже сам будет решать проблему. После того как выйдут эти войска, не будет ли соблазна у Таджикистана и Узбекистана каким-то образом договориться с местными людьми из северного Афганистана и наладить совместную охрану общих границ? Это будет вмешательство наших соседей во внутренние дела Афганистана, учитывая то, что центральной власти там нет.

Муратбек Иманалиев: Я хочу, прежде всего, сказать следующее. Мы не только не знаем Афганистан, но мы и не знаем наших

соседей по Советскому Союзу, равно как и они не знают нас. Я думаю, что это издержки совершенно другого свойства.

Что касается этого вопроса. Я уже говорил, что у наших узбекских, таджикских и туркменских друзей есть жестко сконструированные, исторически оправданные во всех смыслах, в том числе и в политическом, этноориентированные интересы. Я сейчас не смогу привести точные цифры, но, насколько мне известно, в Афганистане живет порядка восьми миллионов таджиков, трех миллионов узбеков и один миллион туркмен. Это этнические сообщества, которые в течение длительного времени организованы политически, экономически и гуманитарно, с культурной идентификацией там проблем нет. Другое дело, что эти части узбеков, таджиков и так далее вследствие определенных событий в истории страны, в истории афгано-российских отношений и прочих других событий сориентированы на сосуществование с пуштунами в едином государстве. Там существует проблема в Линии Дюранда, более сложная и для меня менее понятная.

Не получится ли так, что какими-то неловкими действиями международное сообщество может расшатать мировоззренческую структуру, сориентированную на сосуществование в едином государстве? Я могу очень ответственно сказать, что есть силы, которые действуют в этом направлении.

Например, позиция президента Каримова, он ее абсолютно четко изложил: «Мы видим Афганистан только как единое территориально-целостное государство». Я знаю, что позиция президента Рахмона такая же.

Меня беспокоит следующее. Если мы до этого видели появление неправительственных организаций, таких как Green Peace, Human Rights Watch, как участников международной жизни, влияющих на принятие решений по внешней политике, то последняя четверть двадцатого века вывела на международную арену в качестве участника международных дел преступные организации. Мы видим, что преступные организации, косвенно влияют на политику некоторых стран. К большому сожалению, все эти люди еще и сориентированы на какие-то контакты с правительствами других стран.

Я уповаю на то, что есть абсолютно четкие позиционные компоненты в политике президентов Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана.

Вторая проблема связана с оказанием содействия в сохранении государства и противодействии тем силам, которые хотят расчленить Афганистан.

Я думаю, что Кыргызстан придерживается тех же позиций, я, конечно, не слышал четких заявлений. Во всяком случае, являясь участником ОДКБ, в совместных декларациях, равно как и в других международных организациях, как ООН, ОБСЕ, ШОС, Кыргызстан заявляет об этом.

Думаю, что все-таки попытки использовать интересы каких-то этнических групп в Афганистане в каких-то корыстных целях будут пресечены международным сообществом. Но при этом все наши страны должны помогать самим афганцам.

Жылдыз Ахметгалиева: Вы сказали, что необходимо активно заниматься изучением Афганистана, но, к сожалению, учитывая, что всю информацию относительно этой страны мы берем только из аналитических обзоров, крайне мало знаем об Афганистане. Мы получаем информацию о количестве наркотических средств, поступающих к нам, о том, какие военные действия там происходят, и все.

У вас есть какое-то видение по поводу того, как активно этим заниматься? Где нам брать информацию? К сожалению, у нас пока нет посольства в этой стране.

Муратбек Иманалиев: Во-первых, структуры ООН, которые функционируют в этом направлении. В том числе UNAMA, тот же наш земляк, к которому вы можете обращаться. Он очень открытый человек, бывает в Бишкеке раз в квартал. Вы можете получать информацию по линии ООН, в том числе и в персонифицированном плане.

Конечно, я убежден, что вы сотрудничаете с определенными структурами России, Казахстана. Есть ли у вас контакты с ЦАРИКЦ (Центральноазиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров) в Алматы?

Жылдыз Ахметгалиева: Да мы поддерживаем контакты, у нас там есть полномочные представители.

Муратбек Иманалиев: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Наши

таджикские друзья – очень осведомленные люди в этом плане, с ними необходимо очень плотно работать. Для этого нужно задействовать не только формат прямых двухсторонних контактов, но и озадачить посольство в Душанбе, чтобы оно было способно вам помогать.

Я думаю, что каналов для получения информации достаточно много. Например, ОБСЕ, несмотря на кажущуюся отдаленность этой международной структуры от проблем Афганистана, тем не менее, я знаю, что у них есть очень интересные материалы, они создают какие-то аналитические материалы, которые очень интересны. Это все нужно очень активно использовать.

Валентин Богатырев: Я бы еще вам порекомендовал посмотреть материалы, который делает Александр Князев. Общественный фонд Александра Князева очень активно работает в этом направлении, они выпустили ряд сборников по этой тематике.

Жылдыз Ахметгалиева: Насколько я знаю, ОБСЕ планирует создать исследовательский центр по изучению Афганистана. Есть ли какая-то информация по этому поводу?

Сергей Капинос: Я передам слово руководителю Академии ОБСЕ, на базе которой планируется создать такой аналитический центр. Но прежде я хотел бы задать вопрос спикерам.

Известен сценарий вывода советских войск из Афганистана, тогда тоже ставка делалась на то, что центральное правительство будет обладать потенциалом консолидации и сможет противостоять тем деструктивным тенденциям, которые наблюдались в то время в

стране. Какие существуют основания полагать, что сейчас сценарий пойдет по другому образцу?

В силу того, что экономика еще в более худшем состоянии; продолжается и набирает обороты исламизация; контроль и сферы влияния центрального правительства уменьшаются; продолжает бушевать экономический кризис, а это значит, что те мотивы, в их числе и финансовое бремя, которое ложилось и на страны – участницы международной коалиции, будут очень сильным фактором. Вопрос: что дает основание полагать, что, возможно, сценарий пойдет по другому пути?

Что касается аналитического центра – это планы, мы собираемся реализовать их в ближайшем будущем. И во многом это будет зависеть от решения проблемы финансирования. Если будет соответствующая донорская поддержка, то такому центру быть.

Максим Рябков: Господин Капинос уже озвучил существующую позицию по центру. Это вопрос, который мы будем обсуждать в ближайшее время в Вене. Там 12 марта состоится конференция, где будут обсуждаться вопросы, связанные с Афганистаном.

Я хотел заметить, что оба докладчика говорили об этнической связке между Центральной Азией и Афганистаном. Мне было бы немножко удивительно, если бы противостояние между Узбекистаном и Таджикистаном каким-то образом переносилось на север Афганистана. Узбекистан никогда не использовал свои диаспоры в таких конфликтах: ни в Оше в 1990 году, ни в Оше и Джалал-Абаде в 2010 году, ни в Ходжене, ни в Гиссаре. Каримов всегда был против этого. Почему они сейчас будут действовать по-другому?

Тем более, что граница реальная, насколько я понимаю, таджики видят афганцев как афганцев, то есть афганские таджики для них – афганцы. Мои коллеги из Афганистана могут это подтвердить.

Есть ли у вас основание думать, что этот этнический канал будет работать?

Валентин Богатырев: Я думаю, что нынешняя ситуация кардинально отличается от ситуации при выводе советских войск. Отмечу только четыре аспекта.

Первое. Сейчас в Афганистане существует другая система власти, не такая, которую создавали работающие там советские руководители. Все-таки нынешняя система более включена в западные форматы, она имеет формальные демократические черты и в большей степени включает и захватывает сообщества, этнические группы и так далее. В этом смысле она совершенно иная, чем та, которая была построена во время советского пребывания.

Второе. Сейчас, в отличие от того времени, остаются системы поддержки безопасности, потому что советские войска уходили без ничего.

Третье. Талибан сейчас совсем другой. Тогда это был подъем движения. Сейчас, на мой взгляд, может быть, я не прав – это движение в обратную сторону. Талибан, помимо того, что он очень существенно сократился в численности, еще и сильно расслоен. И значительная его часть инкорпорирована во власти.

Последнее. Существует международная помощь, которая будет и в дальнейшем оказываться Афганистану. Это то, что Советский Союз не смог в свое время сделать, сейчас осуществляется коллективными усилиями.

Это четыре фактора, которые показывают различие ситуаций. Как раз эти факторы дают основание говорить о том, что такого срыва, который произошел в самом Афганистане тогда, видимо, не произойдет.

Буквально два слова по поводу узбекско-таджикского противодействия. Действительно, Муратбек Сансызбаевич абсолютно точно сказал, что ни узбекские, ни таджикские власти официально не формулируют какую-то степень своей заинтересованности в контролировании ситуации там. Они все говорят, что имеют дело с целостным государством, они никогда не поднимают идею сепарирования – разделения этой страны. Это мы говорим про власти.

Хотя, несомненно, и в том, и в другом обществе существуют и другие идеи. Особенно это касается таджикского общества, потому что там существует идея «Великого Хорасана», которая включает всю эту территорию. Если вы были в Душанбе, то наверняка видели знаменитую карту за памятником Сомони, где вся эта территория явно нарисована как таджикская. Это формирует некоторое представление в головах у таджиков.

Я разговаривал с узбекскими коллегами, они говорят о том, что прекрасно понимают, что там сейчас явно нет ресурсов для того, чтобы осуществлять или организовывать какие-то виды противодействия и борьбы именно этнических сообществ. Там идет

существенное преобладание таджикского населения, губернатором является таджик. Экономические связи гораздо более активно осуществляются с Таджикистаном, чем с Узбекистаном. Даже тот же транзит наркотиков в гораздо большей степени идет через таджиков, чем через узбекские территории.

То есть даже эксперты – сторонники концепции «Великого Хорасана» сейчас не ставят вопрос о возможности проявленного воздействия там, но это не означает, что об этом никто не думает. И это не означает, что мысли каким-то образом не реализуются на уровне политики этих стран.

Существуют контакты на уровне спецслужб, это, безусловно, так же, как они существовали во время июньского и всех других конфликтов, которые вы называли. Мы не все знаем, но наверняка там были какие-то механизмы влияния и воздействия во время этих конфликтов.

Существуют контакты на уровне бизнесменов, на уровне родовых, клановых связей между народами, проживающими и там, и там, этого тоже не отнимешь, потому что мы живем в обществе, где эти связи играют очень большую роль.

Что делает Узбекистан? Они говорят: «Мы не претендуем, мы не говорим о своем влиянии», – но они очень активно разворачивают проекты экономического сотрудничества с этой территорией. Конечно, их можно рассматривать как экономически выгодные для Узбекистана, как поиск новых рынков и что-то такое, но можно рассматривать как некий способ продвижения влияния Узбекистана на эту территории через эти проекты.

Подобно тому, как и Китай, который ничего не говорит о том, что он давно уже оккупировал территорию Центральной Азии. Но куда мы не посмотрим, мы видим все китайское. Такая схема действий в отношении Афганистана может реализовываться. Хотя еще раз повторяю: на уровне официальных политиков и экспертов никто об этом ни слова не скажет. Поэтому там такого активного противостояния нет, но подспудно, я думаю, что этот вопрос все равно будет существовать.

Муратбек Иманалиев: Относительно схем вывода советских войск и американских войск, я согласен с Валентином Борисовичем, – это качественно разные ситуации. Ну хотя бы потому, что международно-правовая ситуация была совершенно другая. Вы знаете, что Советский Союз подвергся осуждению по линии международных организаций. Сейчас же Международные силы содействия безопасности созданы решением Совета безопасности практически единогласно. Другое дело – это ситуация, связанная с экономической жизнью, с качеством жизни людей.

Будем ждать. Если Карзай позвонит Обаме, и скажет так же, как в свое время Наджибулла, позвонивший Горбачеву: «Вы меня бросаете?», наверное, тогда будет что-то похожее.

Что касается этнической составляющей, я бы не стал распространяться по этому поводу. Вопрос непростой, для тех, кто интересуется, отошлю вас к ситуации борьбы Северного альянса с талибами буквально 12 лет назад. Почитайте внимательно, какова была ситуация в этой борьбе между талибами и Северным альянсом, я думаю, вы там кое-что увидите.

Есен Джуманов: Вопрос буду задавать не я, а мой коллега Акбар

Борран. Он из Афганистана и является магистрантом Академии ОБСЕ в Бишкеке, также он работает в Центральноазиатском Институте Свободного Рынка. Он хотел бы поделиться своими комментариями относительно услышанного здесь.

Акбар Борран: Добрый день, уважаемые участники. Спасибо большое за это интересное обсуждение. Я хотел бы оценить ситуацию в Афганистане также в трех контекстах: национальном, региональном и глобальном.

Если мы посмотрим на Афганистан в национальном контексте, то его можно назвать несостоявшимся государством. На выборах 2009 года было доказана фальсификация 1,3 миллионов голосов избирателей, теперь граждане Афганистана не доверяют нынешней системе. С другой стороны, поднимается вопрос об эффективности системы управления: в стране существуют 25 министерств, армия Афганистана насчитывает от 300 000 до 400 000 солдат. Доходы правительства не в состоянии покрыть расходы, что делает развитие страны хрупким и зависимым от неустойчивых внешних вливаний.

Тема афганских опиатов наиболее обсуждаемая в центральноазиатских государствах и во всем мире. Но с самого начала и до сих пор опиаты не были и не являются афганским проектом. Этот проект был запущен ЦРУ в 1980-х годах, когда у ЦРУ не было средств на финансирование моджахедов для борьбы с советскими войсками. Они решили заняться опиатами и таким образом осуществлять финансовую поддержку моджахедов. Поэтому афганскому народу и правительству очень трудно остановить выращивание опиума и производство наркотиков.

Если говорить о минеральных ресурсах Афганистана, которые оценены приблизительно в один триллион долларов США, то, к сожалению, этот проект нельзя реализовать в течение одного-двух лет, он долгосрочный. Нам понадобится много времени для того, чтобы начать добывать эти минеральные ресурсы и использовать их для улучшения жизни граждан страны, так как 36% населения живут за чертой бедности.

Теперь мы переходим к региональному контексту по отношению к Афганистану. Здесь очень активную роль играет Пакистан. На севере Вазиристана построено 20 000 медресе, которые являются инструментом поддержки организованных преступных группировок, действующих на территории Афганистана и Пакистана.

В Афганистане существует теория о том, что война в стране укрепит и усилит Талибан и со временем они станут угрозой для Индии, востока Китая и Центральной Азии, так как на данный момент в Центральной Азии уже существуют некоторые радикальные группировки, с которыми вы боретесь. Также Талибан станет угрозой для России, посредством налаживания связей между радикальными исламистами Пакистана, Афганистана и Ирана с Чечней.

Но как мы можем предотвратить это, когда Афганистан подписал стратегическое соглашение с Соединенными Штатами и Индией, а Россия подписала свое стратегическое соглашение с Пакистаном, Ираном и Китаем?

Если Россия на основе подписанного стратегического соглашения обсудит с Пакистаном возможность принятия мер для прекращения поддержки радикальных движений, то это будет намного легче,

чем укрепление границы с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном с целью предотвращения продвижения радикальных групп внутрь региона.

Теперь я подошел к глобальному аспекту понимания проблемы Афганистана.

Если я в качестве студента приезжаю в Кыргызстан, то Академия ОБСЕ проходит долгую процедуру получения визы, хотя я не террорист, и остальные 30 миллионов человек, проживающих в Афганистане, не являются террористами.

Негативное восприятие присутствует везде, основным источником которого являются, к сожалению, западные СМИ. Мне хотелось бы, чтобы журналисты были более справедливы к 30-миллионному населению страны, судьбу которых они освещают на протяжении более чем десяти лет.

В Афганистане проживают 54 этнические группы, которые говорят на 53 различных языках и являются представителями различных культур. Таким образом, я думаю, что идея, которая была озвучена на данном мероприятии, по поводу того, что центральноазиатские страны очень заинтересованы в наличии тесных связей с узбеками и таджиками, проживающими в Афганистане, не очень хорошая. Эта модель наверняка не сработает, я в этом уверен. Потому что Пакистан уже пытался осуществить такую модель – реализовать Идею Великого Афганистана с афганскими пуштунами. Но это не сработало, и не будет работать.

Также вы говорили об идее «Великого Хорасана» между Таджикистаном и Афганистаном, она тоже, наверняка, не осуществится. Эта идея тоже не будет способствовать мирной жизни. Такого рода модели не работают не только в Афганистане, например, если рассмотреть курдскую проблему в Ираке, Иране и в Турции. Этот вопрос очень остро стоит в этих странах, так как курдское население воспринимается как этнос – курды, а не как граждане этих государств.

По моему мнению, если центральноазиатские страны хотят наладить долгосрочное сотрудничество с Афганистаном, то для этого необходимо воспринимать всех афганцев как граждан Афганистана, как народ Афганистана, объединенный Конституцией страны.

Муратбек Иманалиев: В отношении узбеков и таджиков никто не говорил того, о чем было сейчас сказано. Я говорил о том, что есть этноориентированные вещи, связанные с наличием узбеков и таджиков. Но есть абсолютно четкие позиции руководства Узбекистана, Таджикистана и других государств о необходимости сохранения территориальной и политической целостности Афганистана как единого государства.

Поэтому, главным образом, воспринимая всех людей, живущих в Афганистане, гражданами страны, тем не менее, мы должны признавать, что есть этнические группы в Афганистане, и не только таджики и узбеки, но и хазарейцы, и многие другие, которые сориентированы определенным образом и в политическом смысле на определенные страны. Я думаю, что это не секрет.

Это не возражение, я хотел бы подтвердить то, что я сказал.

Мээрим Шамудинова подвела итоги Круглого стола.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта «Поддержка общественных обсуждений политически значимых тем» при поддержке Национального фонда в поддержку демократии (NED).

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)